

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.006

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОРФОГРАФИИ ТЕКСТОВ «НАРТЫ КАДДЖЫТÆ» К.Ц. ГУТИЕВА

М.В. Дарчиева

Тексты осетинского эпоса «Нарты» насчитывают множество различных изданий. Среди них выделяется пятитомный свод, подготовленный К.Ц. Гутиевым. Отдельной книгой вышел первый том, остальные тексты системно публиковались на страницах литературного журнала «Мах дуг» в различные годы. Работа, проделанная Гутиевым, позволила иначе взглянуть на утвердившееся в фольклористике мнение о существовании осетинского эпоса в виде разрозненных кадагов, не составляющих цельной эпопеи. Неоднозначно восприняли издание фольклористы-современники составителя. Непростая судьба пятитомного свода эпических текстов осетинского фольклора «Нарты кадджытæ» была определена, в том числе, использованной составителем орфографией, разнящейся с общепринятыми языковыми нормами. При публикации текстов Гутиев опирался на принципы, обозначенные им в рукописи «Теория осетинского письма». Основные разногласия касаются написания надежных форм личных местоимений, составных глаголов, именных композитов, случаев постановки апострофа и др. дискутируемых по настоящее время вопросов осетинской орфографии, чем определяется актуальность настоящего исследования. Автором статьи предпринята попытка анализа некоторых принципов орфографии, использованных Гутиевым при издании эпических текстов, сделаны выводы о соотношении орфографического плана с уровнями языка. В ходе исследования использованы методы лингвистического анализа текста, в частности, в русле экспланаторности, а также методы анализа словарных дефиниций. Междисциплинарный характер исследования продиктовал необходимость обращения к сравнительно-историческому методу и методам источниковедения. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в научный оборот вводятся материалы личного архива ученого К.Ц. Гутиева, содержащие особый взгляд на осетинскую орфографию; обосновывается целесообразность сохранения оригинальной орфографии в готовящемся отдельном полном книжном издании пятитомного свода «Нарты кадджытæ».

Ключевые слова: осетинский язык, орфография, фольклор, осетинский эпос «Нарты», К.Ц. Гутиев, «Теория осетинского письма».

Для цитирования: Дарчиева М.В. Об особенностях орфографии текстов «Нарты кадджытæ» К.Ц. Гутиева // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 49 (88). С. 82-95. DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.006

Казбек Цицкаевич Гутиев – известный ученый, составитель и автор комментариев к академическому собранию сочинений К.Л. Хетагурова, собиратель осетинского фольклора, составитель книги «Осетинские пословицы и пого-

ворки» (1976), тонкий знаток осетинского языка и человек, равнодушный к его судьбе. В каждом научном труде Казбека Цицкаевича видится его трепетное отношение к родному языку, стремление разгадать его тайны и непременно сохранить для будущих поколений.

Публикация четырех томов из пяти-томного свода «Нарты кадджытæ», подготовленного К.Ц. Гутиевым, осуществлялась с 1989 по 2006 г. Как известно, первый том вышел отдельной книгой [1], остальные публиковались в литературном журнале «Мах дуг» (II том – 1996 г., №№ 1-10; III том – 2005 г., №№ 2-12; IV том – 2006 г., №№ 1-12). З.К. Кусаевой описаны важные особенности циклической компоновки сказаний [2]. Следует отметить, что тексты были изданы в авторской редакции, и с 1989 года не утихают споры по поводу использованной составителем орфографии.

Возникает закономерный вопрос: почему же в готовящемся (втором) издании текстов редколлегия не изменила

текст в соответствии с современными нормами орфографии осетинского языка? Причин несколько.

Дело в том, что первоначальное издание сказаний (а первый том вышел более 35 лет назад!) прочно ввело сводный текст «Нартиады» в информационное пространство. Оно оказалось востребованным как широким кругом читателей, так и учеными – фольклористами, лингвистами, историками, активно цитирующими его в своих научных трудах в том виде, в каком он был опубликован. Вторая, более веская, причина заключается в том, что тексты четырех томов были изданы в литературном журнале «Мах дуг» при жизни Казбека Цицкаевича и в его авторской редакции, а значит, у составителя имелись веские аргументы писать именно так, а не иначе. Отметим, что и в 1989 году не все рекомендации К.Ц. Гутиева были учтены, и на разных стадиях издания текст, все же, прошел редакторскую и корректорскую обработку: сохранился экземпляр первого тома с правкой составителя (рис. 1).

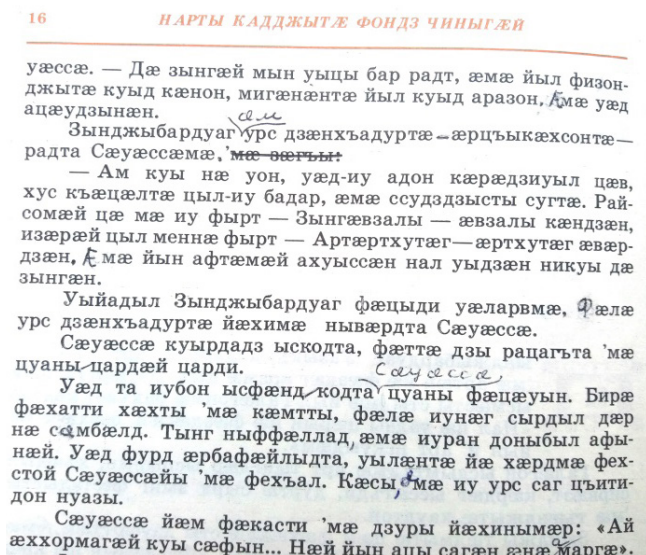
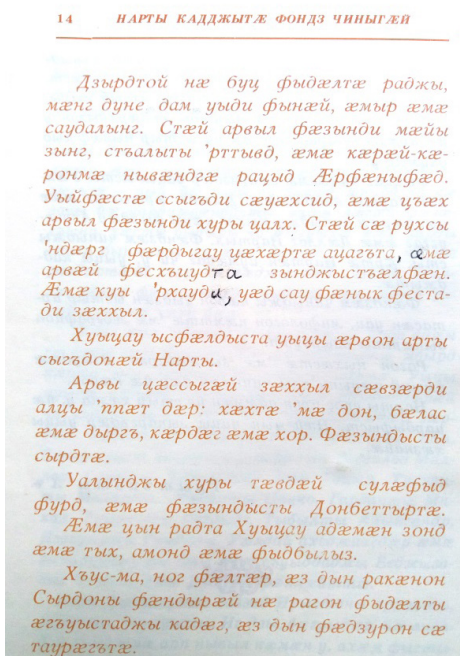

Рис. 1. Страницы 14 и 16 издания «Нарты кадджытæ» (1989), личный экземпляр К.Ц. Гутиева

Во втором издании редакторы постарались соблюсти все исправления и опубликовать текст в соответствии с рукописью ученого.

Современникам и коллегам Гутиева были известны его взгляды на осетинскую орфографию: он выражал несогласие по отношению к значительному количеству правил написания не только отдельных слов, а порою целых морфологических классов и синтаксических конструкций. Им была разработана «Теория осетинского письма» [3]¹, рукописный вариант которой хранится в нескольких папках в его личном архиве и ждет своего часа. Бесспорно, этот колоссальный труд заслуживает внимания исследователей и будет востребован не только среди лингвистов, но и широкого круга читателей, которые изъявляют желание вникнуть в тонкости языка пятитомного текста «Нарты кадджытæ». Кроме того, указанный труд важен с точки зрения истории становления осетинской письменности: он проясняет некоторые дискутируемые во второй половине XX века, а также актуальные по настоящее время вопросы осетинского языкознания, такие, как падежная система, местоименная энклитика, фразовое ударение и др.

Раскроем некоторые секреты будущего издания «Теории осетинского письма» в попытке объяснить, почему же в пятитомнике «Нарты кадджытæ», составленном Гутиевым, была использована оригинальная орфография, порой не совпадающая с современными требованиями. Заранее хочется отметить, что наши старания совершенно не преследуют тривиальную цель что-либо обосновывать или, более того, оправдывать. Автор статьи принимает

текст пятитомника «Нарты кадджытæ» как данность и как многолетний уникальный труд, осуществленный большим знатоком фольклора и осетинского языка. В качестве иллюстраций мы взяли наиболее очевидные примеры орфографических явлений.

Прежде всего, следует отметить важнейший принцип осетинской орфографии, из которого исходил Гутиев. В современной орфографии осетинского языка принято выделять фонетический, морфологический условный и традиционный принципы [4, 9-11], по мнению А.Ф. Кудзоевой, ведущими среди них являются морфологический и фонетический [5, 97]. «Решая вопрос о принципах современной осетинской орфографии, – писал К.Ц. Гутиев, – надо постоянно иметь в виду, что реальные правила имеют дело с фонемами, с обозначением на письме фонем. Стало быть, ведущим принципом современной осетинской орфографии является принцип **фонематический (фонологический)** в сочетании с принципом **фонетическим**. Что это значит? Это значит, что на письме передаются лишь самостоятельные, основные звуки, т.е. **фонемы**, независимо от позиций» [3, 42]. И далее: «Но главное, в конечном счете, всё-таки не в этом. Главное в *стратегии и тактике проверок*. Очень важно научиться *стратегии действий: как надежнее проверить*. **Ни одного немотивированного, научно не проверенного написания слова не должно быть**. И здесь на помощь приходит эта самая *стратегия – этимологический анализ – проверить старыми формами осетинского языка*. Этимологический способ проверки позволяет наблюдать наш язык в его прошлом, дает возмож-

ность проследить его в историческом развитии» [3, 43].

Гутиев был убежден, что осетинская орфография нуждается в реформе, а первоочередной задачей в ней считал орфоэпическую норму: «Надо начинать, я думаю, с обсуждения проблем осетинской орфоэпии, произносительных норм, необходимо решить вопрос о 'звуковом', фонемном составе осетинского языка, только тогда уже перейти к проблемам осетинской графики» [3, 1]. В частности, это касается активно дискутировавшегося вопроса о написании местоименных форм *цæ*, *цын* (в современной орфографии – *сæ*, *сын*):

#Уæрхæг *цæм* бацыд, *ныхъхъæбыс цæ* кодта 'мæ *цæм* дзуры.

*Уæрхæг *сæм* бацыд, *ныхъхъæбыс сæ* кодта 'мæ *сæм* дзуры².

Из изданной в 1955 году на осетинском языке брошюры: «...3-аг *цæсгом* номивæг *уый-йы бирæон нымæцы цыбыр формæтæ сæ, сын, сæм, сыл арæх дзурыны цæ, цын, цæм, цыл, фæлæ сæ фыссын хъæуы кæддæриддæр: сæ, сын, сæм, сыл*» [6, 11-12, 30], что в переводе дает: краткие местоимения 3 лица мн. ч. пишутся как *сæ, сын, сæм, сыл*, несмотря на то, что зачастую произносятся как *цæ, цын, цæм, цыл*: Еще раньше, в брошюре «Алфавит и орфография осетинского языка» 1939 г., говорится, что энклитические формы местоимения 3 л. мн. ч. имеют параллельные формы *цæ, цын, цæм, цыл* [7, 14].

Развернутая попытка обоснования написания местоименных форм приводится и в «Орфографии (правописании) осетинского языка», где говорится о невозможности сосуществования двух форм ("sæ", "syn", "sæm", "syl", с одной стороны, и "cæ", "cyn", "cæm", "cyl" – с дру-

гой) написания упомянутых местоимений: «Усы *дууиæ хузы формæтæн нæй нууадзæн нæ орфографий, уымæн æмæ, зын ravzaræn и, кæд хуыздæр и фыссæгты фыссин æмæ кæд хуыздæр и фæстæгты фыссин, фæлæ, æрмæст фыссæгты куй нууадзæм, иæд уыдон нæ ныхасы кæддæриддæр æмæ кæсдæриддæр раны фидауыны дзурынæн дæр æмæ фыссинæн дæр*» [8, 25]. – Эти два вида форм нельзя оставить в нашей орфографии, потому что сложно разобрать, когда лучше писать первые и когда лучше писать последние, но если мы оставим только первые, то в нашей речи они всегда и в любой позиции гармонируют и с произношением, и с написанием. – (перевод наш. – М.Д.). Спустя почти столетие сложно согласиться с тем, что данные формы легче писать, а тем более произносить. В работе Н.Х. Кулаева «Местоимения в современном литературном осетинском языке» читаем, что падежные формы кратких личных местоимений 3 л. мн. ч. произносятся *цæ, цын, цæм, цæ, цæ, цыл*, но писать их надо: *сæ, сын, сæм, сæ, сæ, сыл* [9, 14].

Относительно произношения *ц* (ц) и *з* (z) К.Ц. Гутиев отмечал: «В представлении наших лингвистов это аффрикаты, т.е. это такие звуки, каждый из которых является сочетанием двух фонем: *ts* и *dz*»:

#Сатана *цæм* рауад *æмæ цæ* фæрсы.

*Сатана *сæм* рауад *æмæ сæ* фæрсы [3, 17-18].

Сам же он считал: «Осетинское *ц* – не аффриката, а простой звук. Никак нельзя ставить знака равенства между *ц* осетинским и *ц* русским» (папка 3. л. 16). Лингвисты-фонологи считают, что в осетинском языке фонемы, реализуемые на месте орфографических *дз* и

ц, являются «переднеязычными однофокусными аффрикатами /z/ и /s/» [10, 87]. З.А. Битарова также отмечала для иронского говора произношение однофокусных среднеязычных *z'* и *s'* на месте орфографических аффрикат *ц* и *дз*. [11, 34]. Однако в вопросе произношения звука /s/ (орфографического *ц*) в осетинском языке следует разобраться основательно. Аффриката – от лат. *affricata* (притертая): «Согласные звуки, имеющие сложную, неоднородную во времени артикуляторную природу: при их производстве единый комплекс артикуляторных движений объединяет фазы смычки, размыкания смычки и щель, характерную для щелевых согласных. Поэтому аффрикаты иногда называют также смычно-фрикативными согласными» [12].

Вопрос о буквенных значениях, о соотношении звуков (фонем) и букв (графем) проанализирован в автореферате диссертации Е.Е. Боцоева, в том числе выделено соотношение *ц* ≈ /с/ [4, 8].

Как известно, цокание в осетинском языке – явление говоров, а не литературной нормы. Оно свойственно рокскому говору в Южной Осетии, а также говору жителей ущелья реки Гизельдон (Кобан, Даргавс, Кани и др), сел, расположенных на правом берегу реки Терек в Северной Осетии. Кроме того, Н.К. Багаев отмечал, что между цокающим и шокающим говорами имеется промежуточный туальский говор – говор жителей Нарской котловины [13, 7-8], которому свойственно такое же, как в цокающих говорах, произношение звука [s'] (орфографической *ц*). Но когда речь идет о нормах орфоэпии литературного языка, нельзя с уверенностью назвать орфографическую *ц* аффрикатой.

Скорее, звук этот фрикативный, щелевой, не смычно-фрикативный (т.е. аффриката). Соответствует звуку [с] русского языка. При осмыслении данного факта становится логичным обоснование Гутиева относительно различных вариантов написания личных местоимений *цæ* – *сæ*, *цын* – *сын*.

Однако, помимо сугубо фонетических особенностей, автор большей частью опирался на семантическую составляющую: «Дело не только в благозвучии. Вся суть – в тончайших оттенках смысла» [3, 18]. Например, в следующих предложениях:

#Уырызмаг сæ ныццауæны афон зыдта.

#Æмæ цæ сæ разæй ракодтой.

#Мæликк цæм й 'адæмимæ, Уырызмаг сæ разæй, афтæмæй рацыдысты

Гутиев выделяет местоименную энклитику, отмечая характер ее связи с существительным, глаголом или послелогом.

Смыслоразличительная функция форм *цæ* – *сæ*, *цын* – *сын* обоснована им и на примере: *Уæд авд зæды хъахъæныныц уæларвай, æмæ цæ иу фæрсы* (спрашивает один кто-то [некто], не из них). При написании *сæ* изменяется значение синтаксической конструкции: *Уæд авд зæды хъахъæныныц уæларвай, æмæ сæ иу фæрсы* (спрашивает один кто-то из них); *Уыйбæриц рæгъау хызти Тарыфыртты зæххыл æмæ сæ зæхх басау* (Столько скота паслось на земле сыновей Тара, что их [сыновей Тара] земля почернела) / *Уыйбæриц рæгъау хызти Тарыфыртты зæххыл æмæ цæ зæхх басау* (Столько скота паслось на земле сыновей Тара, что от них [скота] земля почернела). И с этим аргументом нельзя не согласиться.

Подобное написание встречается и в работе Б.А. Алборова, посвященной

говору осетин Моздокского района, где ученый отмечает большую распространенность смычногортанных, особенно в заимствованиях, а также «смешение секания и цекания (*syn – cyn*)» [14, 298; 15, 170].

Radžyma-radžyma lag ætæ uys uydī æta cyn ærtæ cyzgy uydī (Раджыма-раджыма лæг æмæ ус уыди æмæ **цын** æртæ чызджы уыди) [14, 299].

Akæ cæ, fesaf ca, ma cæst cæ ma uynad (Акæ **цæ**, фесаф **ца**, ма **цæст цæ** ма уынад); ...*čydzdyty uardony sbadyн kodta' ma sa qadma alasta* (...чызджыты уардоны сбадын кодта' м са хъадма аласта) [14, 300];

Erbacydysty iu: uydī cæt нумæтyn хæдзæртæ хизæнты (Ербацыдысты иу: уыди **цæм** нымæтын хæдзæртæ хизæнты) [14, 301].

Допустимо предположение, что в статье Б.А. Алборова анализируются диалектные особенности, в связи с чем подобное написание является допустимым. Однако ученый разбирал говор осетин-иронцев, выходцев из Куртатинского и Алагирского ущелий, что является дополнительным аргументом, подтверждающим архаичность рассматриваемых форм и их наличие в литературном языке.

К слову, в текстах из Осетинского национального корпуса [16], насчитывающего на сегодняшний день около 12 млн словоупотреблений, находится более 900 примеров написания *цæ* в более чем 150 документах, более 230 примеров написания *цын* и более 100 примеров написания *цыл*. В лингвистической разметке корпуса *цæ* устойчиво рассматривается как алломорф *сæ*, остальные формы (*цын*, *цыл*, *цæм*) пока не идентифицируются. Однако работа над корпу-

сом продолжается, и данные варианты неизбежно, на наш взгляд, возникнут в добавляемых текстах.

Реформа орфографии, по мнению Гутиева, должна была быть проведена на всех уровнях языка. В области морфологии она коснулась бы, например, до настоящего времени нерешенного вопроса о наличии винительного падежа в осетинском языке (взгляд Гутиева на данную проблему требует отдельного исследования); затронула бы написание геминированных согласных в таких словах, как: *астæуггаг*, *хъæуггаг*, вместо принятых *астæуккаг*, *хъæуккаг* [17, 238]. Автор приводит в качестве аналогий написание лексем *мыггаг*, *лыггаг*, *сыггаг* и предлагает соответственно этому писать порядковые числительные с геминацией: *æртыггаг*, *дыггаг* [17, 253] и т.д.

Основательно ученый разбирал вопрос о постановке апострофа. Отметим лишь, что в тех случаях, когда элизия связана с местоименной энклитикой, он предлагал следующее оформление: *д' адæм* – 'твои люди'; тогда как в предложении *Цалынджы дын нæртон лæг ыскува*, *уæдмæ дæ адæм физонæгæй фæхæрæнт* – 'Пока не помолится за тебя нарт, пусть едят тебя люди как шашлык' [17, 237]. Постановка апострофа, по мнению ученого, не требуется в том случае, когда «на стыке слов 2 слабых гласных (звука. – М.Д.) превращаются в третий (сильный): *мæ æмбал* – *ме мбал*; *ме взаг* – *ме знаг* < *мæ æвзаг* – *мæ ызнаг*» [17, 5]. В данных примерах стяжение двух слабых *æ*, или слабых *æ* и *ы* достаточно обозначить пробелом. Остальные случаи постановки апострофа также будут описаны в «Теории осетинского письма».

Инновационным представляется чёткое разграничение в написании глаголов – сложных и составных: «Если в составе сложных глаголов с компонентом *кæнын* сохраняется первоначальная семантика (*кæнын* – в смысле – *аразын* – делать), то его следует писать раздельно:

Æхсаргард кæнын æмæ уый кондыл ыскаенин».

Батырадз сырды хъæр кæны. Правописание *хъæр* грамматически связано с *сырды*, поэтому *кæны* следует писать раздельно. А '*Батырадз хъæркæны йе мбалттæм*' слитно» [17, 11]. «Сложный глагол состоит из именной части и глагола, не утратившего еще своего первоначального, вещественного лексического значения, например, *суг ласын, дзаума дарын, хæдзар кæнын*. Особенность таких сложных глаголов в том, что к именной части ни при каких обстоятельствах нельзя прибавить глагольную приставку – преверб, но возможно поменять местами оба компонента. Такие глаголы следует писать раздельно» [3, 66]. Составной же глагол, по мнению ученого, представляет собой устойчивое глагольное образование, состоящее так же из именной части и «глаголов *ласын, дарын, кæнын*, но уже утративших вещественное лексическое свое значение, свою первоначальную суть. И особенность их заключается в том, что к именной части глагола всегда можно бывает присоединить глагольную приставку, и невозможно поменять оба компонента местами» [3, 66]. В личный экземпляр «Нарты кадджытæ» Гутиевым внесены исправления в написание глаголов *хъуыдытæкæны, лаваркæныс* [1, 26], *арфæтæкодта* [1, 30], *багæпкодтой* [1, 31], *баххуыскаен* [1, 32], *абæрæгкодтой,*

амыртмырткодтой [1, 35], *схъæркодта* [1, 37], *фæцыргъдæркаен* [1, 41] и др. Этого же принципа ученый придерживается при написании слов с другими глагольными компонентами: *мæстæймæлгæ, тъæппытæхаугæ* [1, 25], *ныффуттытæласыни* [1, 31], *рагæпласта* [1, 35] и т.д. Отметим, что современные нормы осетинской орфографии требуют раздельного написания вспомогательного глагола [18, 13]. Детальная характеристика составных глаголов, данная К.Ц. Гутиевым в рукописи, требует отдельного скрупулезного исследования.

Современная орфографическая норма диктует раздельное написание числительного 'один' *иу* с последующим словом: *иу бон, иу хатт, иу ахæмы, иу цалдæр, иу чидæр, иу цавæрдæр, иу дзæвгар, иу чысыл, иу дзырдæй* [18, 11]. Вместе с тем, логичным и обоснованным представляется в данном случае мнение К.Ц. Гутиева о смысловозначительной функции орфографии: наречия с компонентом *иу* ученый предлагал писать слитно:

Æрулафыди та иу хъæдыкъохы, афынæй ис иучысыл... [1, 172].

Иучысыл рæстæг рацыд, æмæ та ногæй ныуади дон хæссæнмæ [1, 192].

Бадзынц æфсымæртæ, бадзынц уазджытæ дæр иуцасдæр æнæ исты сдзургæ [1, 300].

Уæд та иухатт фæцыди цуаны [1, 20].

Иухатт дæр та хъазыни, æмæ Нарты лæппуты амбылдта [1, 133-134].

Фæцыдысты та иухатт лæграгъауæй дард ранмæ [1, 275].

В «Орфографическом словаре осетинского языка» Н.Х. Кулаева также приводилось слитное написание наре-

чий с компонентом *иу*: *иухатт*, *фæлæ иу хатт*; *иуцасдæр*, *иучысыл*, *фæлæ иу чысыл* [19, 118]. Слитное написание не только данных форм, но и сложных наречий времени и места с количественным числительным *иу* приводится в «Грамматике осетинского языка»: «... *иубон* “недавно” (букв. “в один день”), *иуаз* “в один год”, “давно когда-то” (букв. “в какой-то год”), *иухатт* “однажды”, *иуырдыгай* “с одной стороны” и другие» [20, 211].

Весьма важным для осетинской орфографии является вопрос о написании сложных слов, образованных именными формами. К.Ц. Гутиев полагал, что тенденция к слитному написанию именных композитов заложена в природе осетинского языка: «И настолько все это стало своеобразным, что никто даже не подумает о раздельном написании, например, таких слов, как *цæссыг* (образованном из *цæст* и *сыг*), *растуд* (из *раст* и *уд*)...» [3, 53]. Однако, по мнению ученого, возникают странные вопросы о написании, например, лексемы ‘*фоснымад*’ (*Фæлæ Хъуыбады* || *Йæ фоснымады* || *Фындыдæс на ары*). Казбек Цицаевич разграничивал сложные слова, образованные сочетанием двух существительных с соединительной гласной и без нее, при этом считал очевидным слитное написание таких слов, как *цардамонд*, *цæлминас*, *къæйдур*, *фæткъуыбæлас*, *кæрдобæлас*, *бæрзбæлас*, *тулдзбæлас*, *балбæлас*, *цымбæлас*, *æхцыныцъыбæлас* [3, 53-54]. Данные примеры обозначены им как сложные слова без соединительной гласной. Еще одним аргументом в пользу слитного написания приведенных сочетаний, по К.Ц. Гутиеву, является особенность склонения, при которой меняется

только вторая часть слова, в отличие от подобных словосочетаний, например, в русском языке [3, 55]. В авторском экземпляре вышедшего первого тома «Нарты кадджытæ» им исправлены на слитное написание раздельные лексемы: *цуаныцард* [1, 16], *æргъæусынтæг* [1, 21], *нысанбынат* [1, 30], *цæстысынды* [1, 39], *хъæдыкъох* [1, 172] и др. В последующих томах издания, опубликованного в журнале «Мах дуг», видим тот же принцип: *куыдзысæр* [21, № 3, 93], *къæдзæхытигъ* [22, № 10, 101], *куыдзыкъæбыла* [22, № 10, 89], *дурдзæджынды* [22, № 10, 76], *цæхæрзынг* [22, № 9, 127] и мн. др. примеров.

Согласно правилам орфографии, опубликованным в 1955 г., имена существительные в значении прилагательных-определений пишутся раздельно: *хур бон*, *къæвда бон*, *фæткъуы бæлас*, *кæрдо бæлас*, *æвзист уидыг*, *сызгæрин къухдарæн* и т. д, но: *нымæтхуд*, *лæппулаг*, *чызгус* и т.д.» [6, 19, 37]. Современные правила также предписывают раздельное написание определений, выраженных существительными в именительном и родительном падежах с определяемым словом [18, 18-19]. Из этого правила есть исключения: термины, закрепившиеся в качестве сложных слов: *залмысыф*, *дугъысыф*, *фарсылæвзаг* и др. При этом не совсем понятно, почему в таком случае *уæраджы сæр*, *сæры фахс*, *цонджы хъул*, *сæры къуыдыр* [18, 19] пишутся раздельно, если они также могут обозначать термины?! Справедливости ради следует заметить, что некоторые из последних сочетаний обнаруживают слитное написание в новых словарях осетинского языка, а также в современной научной литературе [23, 72-75; 24, 146-147].

В некоторых именных словосочетаниях сложно определить морфологический класс первого компонента. Однако К.Ц. Гутиев считал, что даже в тех случаях, когда в роли определения выступает прилагательное, его необходимо писать слитно с определяемым существительным: «Следует писать слитно и такие сложные сочетания, когда сливается прилагательное с существительным вместе: *налсагъ, налхуы, сылсаг*» [3, 54]. Им приведены иллюстрации из художественной литературы, из произведений Нигера и Т.Мамсурова. В личный экземпляр «Нарты кадджытæ» ученым также внесены исправления в подобные сочетания: *хъæбæрдур, æфсæндзывыр, æфсæнкаæрдтæ* [1, 23], *дойнагдур* [22, № 10, 76] и т.д.

Помимо двухкомпонентных слов, в текстах эпоса встречаются и более редкие образования из трех основ: *саргъæвæрынафон* [22, № 10, 88], *артдзæграхыс* [22, №9, 126], *ронбæстытæйдæламаæ* [22, №9, 125] и т.д. Подробное описание композитов, представляющих большой класс слов, в силу того, что словосложение в осетинском языке – весьма продуктивный способ образования имен существительных, дано в «Грамматике осетинского языка» [20, 115-118].

Неоспоримо слитное написание было закреплено им в топонимических названиях «Нартиады»: *Гуымиртыбæстæ* [1, 39], *Лæхъыбыдыр* [НК 1, 24], *Хурыбыдыр* [1, 416], *Æргъæныбыдыр* [21, №2, 154], *Уазмысæр* [1, 304]. Ср.: «Совершенно необходимо утвердить в правилах написание таких сложных образований, как *Дæргъæфсыком* с соединительной гласной, наряду с *Дæргъæфсгом* – без соединительной гласной

и с озвончением глухого *к* в компоненте *ком*. Писать слитно *Уæлладжырыком* (*Уæлладжыргом*), *Куырттатыком* (*Куырттатгом*)», – считал ученый, обосновывая свою позицию, в том числе, возможностью суффиксальногоращения: *куырттатыкоймаг, дæргъæфсыкоймаг* [3, 54].

Наблюдаемое в настоящее время искусственное нагнетание жарких споров о статусе дигорского диалекта в осетинском обществе давно было разрешено известнейшими учеными-осетиноведами.

В частности о соотношении языка и диалекта в осетинском К.Ц. Гутиев высказался весьма оригинально, употребляя термин «новоосетинский» для обозначения иронского, «староосетинский» – для дигорского, тем самым подчеркивая значимость обоих языков. Мнение о переходном состоянии дигорского диалекта, вслед за В.И. Абаевым, поддерживал и М.И. Исаев [25, 42-43]. Абаев писал по поводу дигорского диалекта: «Достаточно сказать, что в области фонетики и отчасти морфологии он отражает нормы переходные от древнеиранских к современным иронским. Иначе говоря, в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и иронский диалекты могут быть рассматриваемы как два последовательных этапа развития одного и того же языка» [26, 360]. Гутиев отмечал: «Две эпохи, две стадии были в развитии нашего языка – староосетинская и новоосетинская. Современный осетинский язык пришел на смену старому. И в то же время они живут и здравствуют рядом. Это – явление уникальное, продиктованное самой жизнью. Это историческая закономерность. И это – система. <...> Именно на староосетинском и новоосетинском

создавались образцы народно-поэтических произведений. Оба языка на разных этапах, на разных стадиях своего развития представляли собой общенародные языки» [3, 44, 46].

Равнозначный интерес ученый проявлял и к правописанию в дигорском диалекте. Проиллюстрируем.

«Куд ин а́й фæхæссон... Æхе ба йин æ йеу æфсорхъбаел бабаста. Там, где сталкиваются согласный и гласный (куд ин) [следует] писать *ин*. А там, где сталкиваются гласные (æхе ба ин), перед абсолютным началом второго слова появляется протетический звук – сонант *й*, и этот сонант обязательно следует писать, чтобы сохранить благозвучие, мелодию, музыку осетинской речи: æхе ба йин...» [17, 12]. По сути, автор анализирует синтаксический уровень языка с точки зрения просодии.

Ученый отмечал невозможность выделения акцентуальных комплексов при современной ему орфоэпии:

«*Уырызмаг æй нырриуыгъта æмаæ йæ астæуыл атахт.

#Уырызмаг æй || нырриуыгъта, 'ма (аферезис!) || й 'астæуыл (элизия!) || атахт.

Во втором случае «фраза мгновенно приобретает энергию ритма и ту самую [совершенно точную, естественную] музыкальную интонацию, которая находится теперь в полнейшей гармонии со смыслом фразы, с природой и духом языка» [17, 4].

В части пунктуации Гутиев высказывал свое мнение о постановке знаков при оформлении на письме прямой и косвенной речи. В сложносочиненных предложениях в издании 1989 года были допущены пунктуационные ошибки, что видно из исправлений, выполнен-

ных К.Ц. Гутиевым на полях книги. Так, им были проставлены запятыя между частями предложения: *Абон наем куывд и, æмаæ да ма фыд ыстыр зæрдиагæй хоны; Дарддзæф æрлаууыд, æмаæ йæм дзуры Сæуæссæма* [1, 17].

Таким образом, предпринятая попытка анализа орфографических принципов, обозначенных Гутиевым, позволяет сделать следующие выводы: ученый считал важнейшим *принцип историзма*, и в вопросах орфографии придерживался его на всех уровнях языка; выступал против искусственности в языке, вызванной многочисленными примерами калькирования русскоязычных конструкций и форм. Им однозначно решался вопрос о наличии винительного падежа в осетинском языке, написании сложных слов. Мы не коснулись подробно таких проблем осетинской письменности, как написание геминированных согласных, оформления прямой и косвенной речи, вопросов о падежной структуре языка, построении сложноподчиненных предложений и многих других, обозначенных К.Ц. Гутиевым в его «Теории осетинского письма».

На наш взгляд, для полного книжного издания текстов «Нарты кадджытæ» было бы неправомерно использовать современную орфографию, поскольку тексты были опубликованы при жизни составителя, в его авторской редакции. Заметим, что уже многие годы их в неизменном виде цитируют исследователи-осетиноведы, к тому же принципы цитирования в научных текстах являются устоявшимися: текст переносится механически, невзирая на взгляды автора по поводу согласия или несогласия с орфографией и пунктуацией первоисточника.

Примечания:

1. Выражаю искреннюю благодарность Аузби Гутиеву за предоставление материалов из личного архива К.Ц. Гутиева.
2. Здесь и далее знаком # обозначены варианты, которые, по мнению К.Ц. Гутиева, были верны, знаком * – не верны.

-
1. Сказания о Нартах; в пяти томах. / Сост. К.Ц.Гутиев. Орджоникидзе: Ир, 1989. Т. I. 496 с. (Экземпляр из личного архива К.Ц. Гутиева).
  2. Кусаева З.К. Особенности циклической компоновки осетинских «Сказаний о нартах» («Нарты кадджытæ») 1989 года издания // Вопросы литературы и фольклора. 2014. №7-2. С.34-45.
  3. Гутиев К.Ц. Личный архив. «Теория осетинского письма».
  4. Боцоев Е.Е. Теоретические аспекты осетинской орфографии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2010. 21 с.
  5. Кудзоева А.Ф. Культура осетинской речи: Учебное пособие для студентов неспециальных факультетов / Под ред. З.Б. Дзодзиковой. Владикавказ: СОГУ, 2014. 192 с.
  6. Правила орфографии осетинского языка. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во. 1955. 40 с.
  7. Алфавит и орфография осетинского языка. Орджоникидзе: Госиздат Сев.-Осет. АССР, 1939. 25 с.
  8. Орфография (правописание) осетинского языка. Орджоникидзе: Севосиздат «Орджоникидзе», 1937. 46 с.
  9. Кулаев Н.Х. Местоимения в современном литературном осетинском языке. Орджоникидзе, 1958. 56 с.
  10. Дзахова В.Т. Осетинская фонетика: перцептивный аспект. Владикавказ: СОГУ, 2013. 92 с.
  11. Битарова З.А. Спиранты и аффрикаты в осетинском и картвельских языках // Известия Юго-Осетинского НИИ. 1981. Вып. 26. С. 32-39.
  12. Русская фонетика: [сайт]. URL: <https://fonetica.philol.msu.ru/glossar.htm>.
  13. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I. (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1965. 488 с.
  14. Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Известия 2-го Северо-Кавказского Педагогического Института имени Гадиева. 1932. Т. IX. С. 273-306. (Отдельный оттиск).
  15. Алборов Б.А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. Орджоникидзе: Ир, 1979. 311 с.
  16. Осетинский национальный корпус. Электронный лингвистический ресурс. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru
  17. Гутиев К.Ц. Личный архив. «Теория осетинского письма». Папка 3. 252 с.

18. Орфографические и пунктуационные правила осетинского языка / Сост. Гуриев Т.А., Таказов Х.А. и др. Владикавказ: Ир, 2004. 80 с. (на осет. яз.)
19. Кулаев Н.Х. Орфографический словарь осетинского языка. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1956. 263 с.
20. Грамматика осетинского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963. 368 с.
21. Сказания о Нартах; в пяти томах. Том III / Сост. К.Ц. Гутиев // Мах дуг. 2005. №2. С. 124–154; №3. С. 84–111.
22. Сказания о Нартах; в пяти томах. Том II / Сост. К.Ц. Гутиев // Мах дуг. 1996. №9. С.103–129; № 10. С. 70–104.
23. Абаева Ф.О. Об одной из ключевых лексем-реалий осетинского языка // Kavkaz-Forum. 2020. № 1 (8). С. 71-83.
24. Бесолова Е.Б. О лингвистическом аспекте эпической формулы в Нартиаде // Известия СОИГСИ. Вып. 45 (84). 2022. С. 140-153.
25. Исаев М.И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе: Ир, 1974. 140 с.
26. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: АН СССР, 1949. 601 с.

Darchieva, Madina V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); m.darchieva@gmail.com

ON THE SPELLING PECULIARITIES IN THE TEXTS “NARTA KADÆGS” BY K.TS. GUTIEV.

Keywords: Ossetian language, spelling, folklore, Ossetian epos “Narta”, K.Ts. Gutiev.

The texts of the Ossetian epic “Narta” have many different publications. Among them – a five-volume collection prepared by K.Ts. Gutiev. The first volume was published as a separate book, the rest of the texts were systematically published on the pages of the literary magazine “Our Era” in different years. The work done by Gutiev, made it possible to take a different look at the opinion that has been established in folklore about the existence of the Ossetian epic in the form of disparate kadags that do not constitute an integral epic. The publication was ambiguously perceived by folklorists-contemporaries of the compiler. The difficult fate of the five-volume collection of epic texts of Ossetian folklore “Narta kadægs” was determined, among other things, by the spelling used by the compiler, which differs from generally accepted language norms. When publishing texts by K.Ts. Gutiev relied on the principles dictated by him in the manuscript “The Theory of Ossetian Writing”. The main disagreements concern the spelling of case forms of personal pronouns, compound verbs, nominal composites, cases of setting an apostrophe, and other issues of Ossetian spelling that are currently being discussed, which determines the relevance of this study. The author of the article made an attempt to analyze some of the spelling principles used by Gutiev when publishing epic texts, conclusions were drawn about the correlation of the spelling plan with the levels of the language. The study used methods of linguistic analysis of the text, in particular, in line with explanatory, as well as methods of analysis of words’ definitions. The interdisciplinary nature of the study dictated the need to turn to the comparative historical method and the methods of source study. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time materials from the personal archive of the scientist K.Ts. Gutiev, containing a special look at the Ossetian orthography; the expediency of preserving the

original spelling in the forthcoming full book edition of the five-volume collection “Narta kadægs” is substantiated.

For citation: Darchieva, M.V. On the spelling peculiarities in the texts “Narta kadægs” by K.Ts. Gutiev // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 49 (88). Pp .82-95. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.006

References

1. Gutiev, K.Ts. (comp.) *Skazaniya o Nartakh; V pyati tomakh* [Legends of the Narts; in 5 vols]. Ordzhonikidze, Ir, 1989, vol. 1, 496 p. (in Ossetian. The book from K.Ts. Gutiev’s personal archive).
2. Kusaeva, Z.K. *Osobennosti tsiklicheskoj komponovki osetinskix “Skazanii o nartakh” (“Narty kaddzhytæ”) 1989 goda izdaniya* [Features of the cyclic layout of the Ossetian “Tales of the Narts” (“Narts kadjytæ”) of 1989 edition]. *Voprosy literatury i fol’klora* [Questions of literature and folklore]. 2014, iss. 7-2, pp. 34-45.
3. Gutiev, K.C. *Lichnyi arkhiv. “Teoriya osetinskogo pis’ma”* [Personal archive. “Theory of Ossetian Spelling”].
4. Botsoev, E.E. *Teoreticheskie aspekty osetinskoj orfografii* [Theoretical aspects of Ossetian orthography]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Vladikavkaz, 2010. 21 p.
5. Kudzoeva, A.F. *Kul’tura osetinskoj rechi: Uchebnoe posobie dlya studentov nespetsial’nykh fakul’tetov* [Culture of Ossetian speech: Textbook for students of non-special faculties]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2014. 192 p.
6. *Pravila orfografii osetinskogo yazyka* [Spelling rules of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1955. 40 p.
7. *Alfavit i orfografiya osetinskogo yazyka* [Alphabet and spelling of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Gosizdat Sev.-Oset. ASSR, 1939. 25 p.
8. *Orfografiya (pravopisanie) osetinskogo yazyka* [Spelling of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Sevostizdat “Ordzhonikidze”, 1937. 46 p. (in Ossetian).
9. Kulaev, N.H. *Mestoimeniya v sovremennom literaturnom osetinskom yazyke* [Pronouns in the modern literary Ossetian language]. Ordzhonikidze, 1958, 56 p.
10. Dzhakhova, V.T. *Osetinskaya fonetika: pertseptivnyi aspekt* [Ossetian phonetics: a perceptual aspect]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2013. 92 p.
11. Bitarova, S.A. *Spiranty i affrikaty v osetinskom i kartvel’skix yazykax* [Spirants and affricates in Ossetian and Kartvelian languages]. *Izvestiya Yugo-Osetinskogo NII* [Proceedings of the South Ossetian Research Institute]. 1981, iss. 26, pp. 32-39.
12. *Russkaya fonetika* [Russian Phonetics]. [Electronic resource]. URL: <https://fonetika.philol.msu.ru/glossar.htm>
13. Bagaev, N.K. *Sovremennyy osetinskij jazyk. Ch. I. (fonetika i morfologija)* [Modern Ossetian language. Part I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1965. 488 p.
14. Alborov, B.A. *Govor osetin-ironsev Mozdokskogo raiona* [Ossetian-Ironian dialect of the Mozdok region]. *Izvestiya 2-go Severo-Kavkazskogo Pedagogicheskogo Instituta imeni Gadieva* [Proceedings of the 2nd Gadiev North-Caucasian Pedagogical Institute].

1932, vol. IX, pp. 273-306. (Offprint).

15. Alborov, B.A. *Nekotorye voprosy osetinskoj filologii. Stat'i i issledovaniya ob osetinskom yazyke i fol'klore* [Some questions of Ossetian philology. Articles and studies about the Ossetian language and folklore]. Ordzhonikidze, Ir, 1979, 311 p.

16. *Osetinskii natsional'nyi korpus* [Ossetic National Corpus]. [Electronic linguistic resource]. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru

17. Gutiev, K.Ts. *Lichnyi arkhiv. "Teoriya osetinskogo pis'ma"* [Personal archive. "Theory of Ossetian Spelling"]. File 3. 252 p.

18. Guriev, T.A., Takazov, Kh.A., et al. (comps). *Orfograficheskie i punktuatsionnye pravila osetinskogo yazyka* [Spelling and punctuation rules of the Ossetian language]. Vladikavkaz, Ir, 2004, 80 p. (in Ossetian).

19. Kulaev, N.Kh. *Orfograficheski slovar' osetinskogo yazyka* [Spelling dictionary of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1956. 263 p.

20. Akhvlediani, G.V. (ed.) *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2-kh t.* [Grammar of the Ossetic Language. In 2 vols]. Ordzhonikidze, 1963, vol. I. 368 p.

21. Gutiev, K.Ts. (comp.) *Skazaniya o nartakh; v pyati tomakh. T. 3* [Legends about Narts, in 5 vols. Vol. 3]. *Makh dug* [Our Era]. 2005, iss. 2, pp. 124–154; iss. 3, pp. 84–111. (In Ossetian).

22. Gutiev K.Ts. (comp.) *Skazaniya o Nartakh; V pyati tomakh. T. 2* [Legends of the Narts; in 5 vols. Vol. 2]. *Makh dug* [Our Era]. 1996, iss. 9, pp.103–129; iss. 10, pp. 70–104. (in Ossetian).

23. Abaeva, F.O. *Ob odnoi iz klyuchevykh leksem-realii osetinskogo yazyka* [On one of the key lexemes-realities of the Ossetian language]. *Kavkaz-Forum*, 2020, vol. 1 (8), pp. 71-83.

24. Besolova, E.B. *O lingvisticheskom aspekte epicheskoi formuly v Nartiade* [On the linguistic aspect of the epic formula in the Narts' sagas]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2022, iss. 45 (84), pp. 140-153.

25. Isaev, M.I. *Ocherki po istorii izucheniya osetinskogo yazyka* [Essays on the history of the study of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Ir, 1974, 140 p.

26. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, 601 p.